

Умирала Татьяна Ивановна Пельтцер. В тот день и, может быть, в тот самый час, когда Александр Михайлович Воеводин, актер Московского академического театра сатиры, вспоминал:

— Она играла мамашу Кураж, а я — ее сына, Швайцеркасса. Много лет прошло, но до сих пор с благодарностью вспоминаю наш дуэт. Сцена из "Мамаши Кураж и ее детей" Брехта: героиня оплакивает погибшего сына. Я не вижу Пельтцер, слышу только голос. И чувствую, как катятся ее слезы по моему лицу. Давали занавес, Татьяна Ивановна уходила со сцены, а меня не покидала тревога: будто на самом деле кто-то из нас двоих осиротел. С такой редкой самоотдачей сегодня мало кто из актеров работает.

А накануне театр, которому служила Пельтцер тридцать лет, давал премьеру. Показалось, что не ко времени. Актеры нервничали — будет ли публика? Да и кому теперь нужна "Молодость Людовика XIV". Но — аншлаг, вопреки прогнозам скептиков. И цветы. И Татьяна Шмыга — примадонна советской оперетты — среди зрителей. И спонсоры выходят на поклон вместе с актерами — невеста примета театральности. А бывало, шла в театр "Женитьба Фигаро", где без меценатов на сцене выстраивалась такая декорация, что раздвигался занавес — и зрители замирали в ожидании праздника. В том спектакле юный Воеводин играл Керубино.

Хочешь, чтобы и я сказал, как все это было? Но это и без меня все видят. Конечно, двор Людовика был убран иначе, равно как и апартаменты кардинала Мазарини. Но что делать? У театра нет денег на декорации, на костюмы. Если бы не спонсоры, спектакль мог и не состояться.

— И режиссер, видимо, обремененно подчинился оформительскому минимуму, сосредоточившись на актерской игре.

— Да, чтобы внимание зрителей не рассеивалось, нужны были динамично меняющиеся мизансцены. Спектакль длится более трех часов, зрителям тяжело, но и актеры работают напряженно, особенно Юрий Васильев в роли Людовика, на котором держится весь спектакль. Что касается моего персонажа, то друг Радченко надо мной подтрунивает: "Эх, ты, Воеводин! Тоже мне, актер мхатовской школы! Лишь бы рассмешить — бутылку под парик спрятай". Бутылки, разумеется, у Дюма не было. Но что плохого? Такой житейский штрих, очень понятный московскому зрителю. И, наверное, не только московскому.

— Действительно, узнаваемо. Такое впечатление, что Москва собрала со всего света пьющих, просящих, митингующих и торгующих.

— Помнишь пикеты у Останкино? Прибегает на озвучивание известный актер: "Пошли к ним! Там классные мужики собрались — выпить предлагают, закусить, автографы просят! Другого знакомого поколотили демократы. За то, что защищал Жириновского. Ты что, — спрашиваю, — разделяешь его позицию?" — "Нет, — отвечает. — Его программа мне чужда, но я не могу смотреть, когда кого-то бьют".

— А в это время вывесело озву-

"ДЯДЮШКА СКРУДЖ - ПТИЦА ВЗБАЛМОШНАЯ"

Портрет актера на фоне всеобщего хаоса

чивали "Утиные истории".

— Для меня мультики — дело серьезное.

— Тогда какой он, дядюшка Скрудж?

— У него взбалмошный, суетливый характер. Он несколько крикливый, прижимистый, но, думаю, безобидный.

— Что самое трудное для актера, озвучивающего мультиперсонаж?

— Не забыть к очередной серии найденную интонацию. Напрасно ты иронизируешь — не всякий актер умеет работать на дубляже. И опыт нужен, и мастеровитость. И с профессиональной точки зрения на мультфильмах и дубляже работать интересно. Неспорно ведь на "Союзмультфильме" и в Останкино можно часто встретить Надежду Румянцеву, Всеволода Ларионова, Всеволода Абдулова. Появляется возможность сыграть то, что никогда, ни при каких обстоятельствах не сыграл бы ни в театре, ни в кино.

— Кстати, кем ты был в "Рабыне Изауре"?

— Всеми, кого она любила.

— Я так подробно расспрашиваю, потому что зрителям обычно невдомек, как озвучиваются фильмы.

— Это, правда, непросто. А если есть ощущение легкости, значит, все не так уж плохо. К примеру, десятиминутный мультик озвучивается в три смены. Художественные фильмы — намного дольше. Случаются смешные моменты. Несколько лет назад я озвучивал мужа главной героини в чехо-словацком телефильме "Анка-пролетарка". Содержание соответствует названию. Так вот. Мой персонаж впервые берет на руки своего новорожденного сына. И должен бодро, с пафосом сказать: "Так вот ты какой, юный пролетарий!" А я — очень бодро, кстати, произнес: "Так вот ты какой, юный планетарий!" Все долго смеялись и перенесли дублирование сцены на следующий день.

— С тех пор с революционными персонажами было покончено?

— Кажется, да. Но в свое время я сыграл в театре Всеволода-маленького в спектакле "У времени в плену". Еще была неудачная проба на роль Сергея Лазо в молдавском фильме. Позвали в Кишинев — город, который не располагает к пешим прогулкам. На студии загрохотали, подводят к режиссеру. Он взглянул и говорит: "Какой же это Лазо? Это ж Фрунзе!"

— Жалел?

— Тогда — наверное, да. В кино вообще многое зависит от фортуны. Снялся я несколько лет назад в Минске, в короткометражке по рассказу Паустовского "Снег". Фильм для двух актеров, женскую роль играла прекрасная актриса Людмила Савельева. Но ни я,

ни Люся, ни зрители нашу работу не увидели. Жаль, потому что фильм должен был получиться хорошим. В последние годы прокатную судьбу картин трудно предугадать. Даже не знаю, показывали ли где-нибудь прошлогодний детектив "Место убийцы вакантно", где у меня одна из главных ролей? В этом смысле везет больше старым картинам, их хотя бы время от времени "крутят" по телевидению — "Офицеры", "Горячий снег", "Частную жизнь". А недавно из Франции мне прислали записанный на видеокассету детектив "Найти и обезвредить". Оказывается, в Париже он пользовался успехом. Такое непривычное чувство: на экране — я, а говорю не своим голосом, да еще по-французски.

Я не идеализирую прошлое. Лет десять-пятнадцать назад чуть ли не

ролей Моцарта и Сальери. От этого — ощущение "недоигранности". Часто достаю с полки томик Пушкина и перечитываю стихи.

— Ты играл Сальери-злодея?

— Нет, скорее талантливого завистника. "Гений и злодейство — две вещи несовместные".

— Но яд подсыпал...

— Подсыпал, страдая и сомневаясь.

— А почему все-таки в Вену не поехали?

— Мы с Борисом Шуваловым (Моцарт) играли на русском языке. Видимо, поэтому. Но надеюсь, что с Алексеем Левинским мы еще встретимся на совместной постановке. Мы давно знакомы, он работал в нашем театре. Несколько лет назад я играл в его спектакле "В ожидании Годо".

— А ты смог бы приспособиться на Западе?

— Раньше бы, наверное, смог, но не стремился к этому. А теперь уже поздно начинать все сначала без языка, без умения работать по-западному. У них ведь и актерская школа совсем иная. И при этом — жесткая конкуренция. Здесь же, при всей зависимости актерской профессии, мы имеем право выбирать и отказываться.

— И часто отказываешься?

— Не так много предложений, чтобы часто отказываться. Но и не делаю того, что мне претит. Не снимаюсь в рекламных роликах, отказался в свое время вести в очередь с Юрой Николаевым "Утреннюю почту", хотя эта передача сулила дикую популярность, да и получалось вроде неплохо. Но не мое это, понимаешь? Надо или актером ос-

все режиссеры кинулись снимать фильмы о БАМе. Сегодня — другая крайность. Снимают эротику, боевики на наш лад, разную "чернуху". Но тогда был и выбор. Зрители решали — что смотреть, а что пропустить. Сейчас в нашем кино образовался как бы вакуум, многие актеры бедствуют. Недавно на вечер памяти Сергея Столярова познакомился с Аллой Ларионовой. Умна, красива, в отличной актерской форме, но нигде не занята уже много лет. Грустно все это.

— И никаких перспектив?

— Почему же? Актер живет надеждой. Два года назад судьба преподнесла мне редкую удачу. Я сыграл на малой сцене МХАТа Сальери в "Маленьких трагедиях" Пушкина в постановке Алексея Левинского. Это был синтетический спектакль — музыкально-драматический, в котором участвовали оперные исполнители, хор. Работали над ним австрийцы, израильтяне. К сожалению, в Москве его показали раз десять — не больше. И увезли в Вену, уже с другими исполнителями

— Тебе никогда не хотелось перейти в другой театр?

— А зачем? Даже у тех наших актеров, которых ангажировали на приличные роли, не все гладко в творческом плане. У Тани Васильевой, у других. Мне кажется, надо уметь дорожить тем, что имеешь. А у меня есть работа и в театре, и на телевидении, в концертах участвую с актерами нашего театра, стихи хорошие читаю — Глазкова, Самойлова. Было еще радио. Передачи радиостанции "Юность", "До-ре-ми-фа-соль". Кстати, если ты помнишь, впервые на радио я начал серьезно работать в Алма-Ате, под руководством режиссера Казахского радио Тамары Ивановны Каменской. А вернувшись в Москву, обнаружил, что уже не боюсь микрофона. Так что моя "вторая профессия" появилась с легкой руки Каменской.

— Увы, Тамара Ивановна живет теперь в Израиле.

— Как жаль! Уезжают талантливые люди, не очень-то востребованные у нас.

таваться, или переходить в шоумены. Мне дороже первое.

"Круговорот" — так называется виртуозный фильм Ланы Гогоберидзе, снятый в знак признательности и любви к блистательной звезде грузинского кино Лейле Абашидзе. Фильм об извечной актерской сути, о сострадании, о беспредельной любви к искусству и о бессмысленности суесть. У каждого актера — свой круговорот.

Назавтра после премьеры "Людовика" началась отпускная пора. И Воеводин сбежал из Москвы в Юрмалу. К морю. К сыну Мишке, ждавшему папу, еды и денег.

До свидания, дядюшка Скрудж...

Сергей ЛЕСКОВСКИЙ.

На снимке: Александр Воеводин и Борис Андреев в фильме "Дети Ванюшина".

Москва — Алма-Ата.